

11555-44

9(4)94

п 44

11555

ПОД ИГОМ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ВЫПУСК 2

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

20 коп.

Слово
глаголю

V.N. Karazin Kharkiv National University

00273442

8

9(4)

32B 7

40

9(4)7
п 44

ПОД ИГОМ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ВЫПУСК 2

58

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

51 80

1922

222

U

ЧТО НЕСУТ ФАШИСТЫ

Это было год тому назад в небольшом французском городе на берегу Луары. За неделю до того гитлеровские солдаты заняли город. Мост, уничтоженный германскими бомбардировщиками, восстанавливали французские пленные. Они работали под брань немецких фельдфебелей. Был знойный день. Француженка принесла пленным кувшин с водой. Ее арестовали: она нарушила запрещение приближаться к пленным. Приказы, расклеенные на стенах, гласили, что за это полагается смертная казнь.

Южная часть города была разрушена авиацией. Среди мусора валялись утварь, школьные учебники, разбитые статуи маленького музея. Пахло трупным смрадом—под развалинами были погребены жители городка, который прежде славился виноградниками и замком шестнадцатого века. Вдоль дороги высились шесты с кепками, женскими головными уборами, детскими шапочками—это были братские могилы беженцев, расстрелянных гитлеровскими летчиками. Запах разложения гнал людей прочь. Только одна женщина не уходила,—обезумев, звала она мертвых детей.

А на другой половине города, уцелевшей от бомбардировок, шла работа: новые хозяева вывозили добро. Они разделились на отряды. Одни тащили с мельницы муку, другие забирали из магазинов кофе, консервы, мыло, сахар, третьи отвинчивали дверные ручки, снимали решетки с балконов, выносили медные тазы, ступки, кастрюли. Некоторые гитлеровцы отдыхали, пили коньяк, ели ложками сливочное масло, общипывали куриц.

На площади было кафе «Свиданье друзей», обыкновенное провинциальное кафе с красными бархатными диванами. В мирное время здесь завсегдатаи спорили о мировой политике, играли в карты или рассматривали иллюстрированные еженедельники. Комендант города приказал открыть кафе. Молодая служанка, с припухшими от слез глазами, закрывалась от мира подносом, как щитом. Было пусто; только в темном углу сидела женщина с двумя детьми—беженка; да еще старичок грустно покачивался на стуле, вытирая потное лицо.

Вошел немецкий офицер с тяжелой челюстью, с мутными глазами. Он вежливо поздоровался. Никто не ответил. Он хотел быть особенно изысканным; зачем-то подошел к женщине с детьми и спросил: «Разрешите взять стул?..» Женщина пристально на него посмотрела и ответила: «Вы взяли нашу страну без спроса. А со стулом церемонитесь?..» Он не понял иронии или сделал вид, что не понял, поблагодарил. Женщина с детьми ушла. Офицер скучал. Он попробовал заговорить со служанкой; он немного говорил по-французски. Служанка отворачивалась, молчала. Офицер упорствовал: «Красотка, нельзя быть такой молчаливой»... Наконец, она ответила: «Сударь, я не могу с вами разговаривать: я—француженка»... Тогда он рассердился и, забыв напускную галантность, крикнул: «Француженка? Скажите!.. Поглядите на себя в зеркало—вы негритянка! Ваша мамаша наверно спала с негром»... Он вышел. Служанка плакала: «Почему у нас не было танков?..». Я не знал, как ее утешить. А старичок, качаясь, говорил: «Плакать нечего—надо убивать...»

Напротив кафе помещалась школа. В ней разместили беженцев. Учительница ухаживала за детьми. Подошел немецкий коммандант, низкий, тучный; в глазу блестел монокль: «Очистите помещение для солдат. И хорошенько вымыть полы после этой публики—пусть они сами вымоют!» Учительница попробовала запротестовать. Он плохо понимал, что она говорит, и в досаде ответил: «Хватит!.. И потом извольте говорить по-немецки, чорт возьми!..»

Я должен был еще два часа пробыть в городе. Я слонялся по улицам среди развалин и денщиков, которые таскали офицерские пожитки, среди могил и запуганных жителей. Сел у реки на землю. Ко мне подошел ефрейтор, детина с детскими глазами и глупой улыбкой. Он принял меня за француза: старался быть деликатным, сказал: «Ваша страна очень красивая. Теперь мы наведем порядок. Ничего не поделаешь, мы теперь должны навести порядок повсюду, так сказал фюрер. Конечно, воевать никому не хочется. У меня в Касселе жена, дети. Но без нас порядка не будет...» Я попробовал ему объяснить, что прежде здесь был мирный, веселый город, жители жили хорошо, а теперь все разрушено, и немцы отбирают последние крохи. Он слушал, но не верил, повторял: «Без нас порядка не будет. А через год мы справимся со всем. В августе мы возьмем Лондон, фюрер сказал. Потом пойдем в Россию. Там Украина—много хлеба. У нас трудно... Жена из Касселя просит прислать посылочку. Я взял здесь окорок; если примут посылку, pošлю окорок. А в России много всего. Мы там наведем порядок...»

Это было год тому назад. Не знаю, что стало с дураком ефрейтором. В Лондон он не попал—фюрер зря обещал ему английское сукно на костюм. Может быть, теперь ефрейтор где-нибудь возле Перемышля идет под пулеметный огонь? Ведь фюрер обещал ему украинские галушки...

Впрочем, я не склонен вздыхать ни над ефрейтором, ни над его женой. Я помню могилы беженцев, заплаканную служанку, учительницу с перепуганными ребятишками. Я знаю, что приносят народам немецкие фашисты,—я не читал об этом, я это видел.

Они пошли на нас, фюрер им сказал, что мы—низшая раса. Предшественники фюрера, старые германские империалисты, часто говорили: «Славяне это только удобрение для немцев». Немецкие фашисты хотят освободить русскую землю от русских, онемечить наши города, запретить нам говорить на нашем языке. Они хотят нас ограбить, забрать наш хлеб, нашу нефть, наши музеи. Фюрер, этот обер-форточник, им сказал, что в нашу форточку легко пролезть. Он забыл, что перед ним не сонная, обманутая Франция, не Боннэ или Беки, что перед ним страна, которая защищает завоевания своей революции, свою свободу.

Фюрер забыл, что Россию не завоевывают: суеверный маниак не любит учебников истории. Он двинул на нас свои голодные полчища. На них подымутся люди и природа, болота и пушки, леса и отвага, танки и сердца. На них пойдет все, что в нас есть самого крепкого, самого неистребимого,—любовь к земле, на которой мы родились, к языку, на котором говорила с нами родная мать, к революции, которую мы выстрадали, которую мы оплатили голодом, отчаянным трудом, кровью отцов и братьев.

Победа будет за нами.

И. Эренбург

«Правда», 29/VI 1941 г.

ПОРАБОЩЕННАЯ БЕЛЬГИЯ

Захватив Бельгию, немцы немедленно создали свой аппарат военной оккупации. Этот аппарат постепенно разрастался, и в настоящее время он насчитывает 900.000 человек—всякого рода военных и гражданских администраторов, которые сели на шею бельгийского народа.

Железные дороги Бельгии обслуживаются исключительно немцами. Ни одного бельгийца не оставили немецкие оккупанты на железных дорогах—не доверяют.

Как только немцы пришли в Бельгию, они реквизировали все крупные склады продовольствия и других товаров. Наряду с этим происходило опустошение магазинов розничной торговли.

Делалось это очень просто. Немцы распорядились, чтобы в обязательном порядке, наряду с бельгийскими деньгами (бельгийские франки), принимались в Бельгии и германские марки. Они установили обязательный курс: за 1 марку—10 бельгийских франков. Речь шла не о тех марках, которые имеют хождение в Германии. Выпущены были специальные деньги для оккупированных стран—«оккупационные» марки. Этих марок в Германию ввозить нельзя: их там не принимают. А в Бельгии немцы ими «расплачиваются» за реквизируемые товары.

Такой хозяйственный «режим» очень быстро сказался на условиях жизни населения. Уже после нескольких месяцев хозяйничанья оккупантов население Бельгии оказалось обреченным на голод. Стокгольмская «Дагенс нюхетер» приводит рассказ шведской гражданки, проехавшей через Бельгию по пути из Парижа в Стокгольм.

Вот что рассказывает эта шведка: «Старые женщины и дети бежали рядом с поездом, кричали, выпрашивали подавание, солдаты бросали им иногда из окон вагона ломти хлеба. Несколько раз я видела, как машинист выбрасывал несколько лопат угля, а старухи и дети набрасывались на этот уголь, как на драго-

ценные бриллианты. В этих областях царит чудовищная нехватка продовольствия и топлива. Нехватка продовольствия в Брюсселе очень серьезна. Масла и картофеля вообще нет. Мясо хотя и есть, но его можно получить только по очень высоким, спекулятивным ценам».

Голод—основной факт, характеризующий жизнь населения оккупированной Бельгии. Этот факт настолько очевидный, настолько гнетущий, что даже «вождь» бельгийских фашистов («рексистов») Дегрель должен был признать, выступая на митинге в Льеже под охраной немецких штыков, что «миллионы бельгийцев голодают».

Фашисты не довольствуются тем, что, как саранча, пожирают наличные запасы товаров и продовольствия. Оккупированная страна для них—источник дешевой, почти даровой, рабочей силы.

Пользуясь сильно выросшей в Бельгии безработицей, германские власти принялись за организацию отправки бельгийских рабочих на работы в Германии.

А безработица в Бельгии достигла действительно небывалых размеров—число безработных превысило 1.200.000 человек. Кроме того, многие работают лишь один—два дня в неделю.

Под предлогом борьбы с безработицей немецкие власти отправляют бельгийских рабочих в Германию. Вербовка и отправка в Германию фактически носят принудительный характер. Безработный, получивший предложение ехать в Германию и отказавшийся от поездки, обязан дать в этом расписку. Таким образом его берут на соответствующий учет, и он лишается всяких средств к существованию.

С другой стороны, все шире практикуется внутри Бельгии трудовая повинность. Немцы привлекают в трудовые лагеря молодых людей в возрасте 18—25 лет, которые подвергаются там еще вдобавок определенной «обработке» в фашистском духе.

Первое время немцы рассчитывали, что с их приходом усилится в Бельгии влияние местных, бельгийских фашистов. Они рассчитывали получить таким образом некоторые политические резервы, некоторую опору в местном населении.

Но фашистское движение в Бельгии, поднявшее было голову в 1935—36 гг., еще до начала мировой войны, потерпело полный крах. Те массы, которые одно время фашистский «вождь» Дегрель сумел увлечь своей беспардонной демагогией, отвернулись от него, когда стала ясна его интимная связь с Берлином.

Сейчас, когда Дегрель уже совсем открыто выступает как

наемный агент Германии, ненависть и презрение народа к этому предателю достигли такой остроты, что ему даже под охраной германских жандармов не удастся доводить до конца своих митингов, так как туда приходит большое число рабочих, служащих, интеллигентов, которые превращают эти митинги в антифашистские манифестации.

Вот почему немцы вынуждены были отказаться от мысли создать бельгийское фашистское правительство во главе с Дегрелем.

Не удалось немцам сыграть и на национальном вопросе. Немцы развернули широкую агитацию за разделение Бельгии, за отделение фламандских провинций от валлонских. Вначале эта агитация имела даже некоторый успех. Но когда фламандские крестьяне, составляющие большинство фламандского населения, убедились на опыте в том, что представляет собой германская оккупация, когда у них немецкие чиновники стали переписывать и реквизировать не только зерно и фураж, но и домашнюю птицу и кроликов, когда фламандский крестьянин увидел, что для немецкого фашиста он не более как рабочая скотина, которая должна надрываться на службе «Великой Германии»,—тогда фламандские массы решительно отвернулись от фашистов. Теперь агитация за разделение Бельгии не встречает больше сочувствия.

Все, что идет под немецкой маркой, встречает недоверие, ненависть масс.

Когда немцы убедились в том, что все их попытки разложить душу бельгийского народа не дают никаких результатов, они рассвирепели и сбросили маску. Если в начале оккупации немцы уверяли, что они в Бельгии «только мимоходом», что у них только один враг—Англия, и то, как только они с ним справятся, они уйдут из Бельгии и предоставят ей полную самостоятельность, то теперь они уже открыто заявляют, что Бельгия, как и Голландия, должна войти в состав «жизненного пространства» «Великой Германии».

Такое «продвижение» отнюдь не внушает восторга бельгийцам, которые с нетерпением ждут первых поражений германских армий, чтобы восстать с оружием в руках за свободу и честь своей страны.

Уже сейчас дух сопротивления бельгийского народа ярко сказывается в постоянно учащающихся актах саботажа, направленного против оккупантов. То и дело оказываются перерезанными телеграфные и телефонные провода, служащие немцам для связи при их операциях против Англии. На шахтах и заводах проводятся итальянские забастовки.

Бельгия, как и другие страны, которые сейчас томятся под игом фашистских захватчиков,—плохой тыл для германской армии. В страданиях закаляется дух независимости бельгийцев, горячая любовь к униженной и поруганной родине, жажда борьбы за свободу своего отечества, против фашистских разбойников.

Андре Фольен

«Правда», 2/VII 1941 г.

НОРВЕЖСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ С ОККУПАНТАМИ

(Письмо из Гетеборга)

В первых числах апреля нынешнего года на улицах городов и сел, в почтовых ящиках квартир, в карманах пальто, в самых неожиданных местах норвежцы находили маленькие, размноженные на гектографе, листовки.

«Норвежцы!—говорилось в листовках.—9 апреля в течение получаса, с двух до двух с половиной дня, вы должны целиком отдаться мыслям о падении Норвегии. Проведите эти полчаса у себя дома. Пусть ни один человек не появится в это время на улице, в ресторане, в магазине или каком-нибудь другом общественном месте. Не разговаривайте в эти полчаса по телефону. Школьники, не отвечайте на вопросы преподавателей! Окружите ненавистью и презрением тех, кто посмеет нарушить в эти полчаса обет молчания и тем самым осквернит память наших павших бойцов».

Листовки переходили из рук в руки, размножались на пишущих машинках и гектографах, и квислинговские полицейские ищейки были бессильны предотвратить эту демонстрацию против фашистских поработителей и их ставленника Квислинга. Так народ, как сообщает скандинавский корреспондент журнала «Экономист», отметил 9 апреля—годовщину вторжения гитлеровских орд в Норвегию.

«Полчаса молчания»—только одна из форм пассивного сопротивления. Но идея организованного отпора фашистским захватчикам зреет, овладевает все больше сознанием народных масс.

Шведская буржуазная газета «Дагенс нюхетер» опубликовала статью своего корреспондента о политических настроениях в оккупированной Норвегии.

«Всюду,—говорится в статье,—заметно озлобление против «нового порядка». Оппозиция с каждым днем принимает все более резкие формы».

Демагогические попытки оккупационных властей и марионеточного правительства Квислинга «завоевать доверие масс» окончились полным провалом. Насколько «популярно» правительство

гитлеровского ставленника предателя Квислинга и его партии «Национальное единение», можно судить хотя бы по следующим фактам. Когда норвежский министр внутренних дел предложил государственным и муниципальным служащим в Бергене вступить в ряды правительственной партии, 3.982 служащих ответили на это коллективным отказом и только 51 человек под угрозой увольнения со службы согласился носить повязку с изображением эмблемы квислинговских штурмовиков—«креста святого Олафа». Из 700 рабочих одного из предприятий в Осло только 7 согласились вступить в национал-социалистскую партию. Даже большинство полицейских, обязанных по приказу министра полиции Ли (норвежский народ окрестил его «Иудой Ли») стать членами национал-социалистской партии, отказалось войти в «Национальное единение».

Лица, побывавшие в последнее время в Норвегии, рассказывают, что, когда на одном из многочисленных рабочих собраний Квислинг попытался выступить с проповедью своей пресловутой программы «нового порядка», все присутствовавшие демонстративно покинули зал. Стоит лишь нацистскому бандиту войти в трамвай или автобус, как все пассажиры, словно по команде, выходят на ближайшей остановке.

«Лица, вступающие в партию Квислинга,—пишет газета «Ню даг»,—как по мановению волшебной палочки, теряют своих друзей, и их повсюду встречают с нескрываемой злобой и презрением. Настолько велика ненависть населения к штурмовикам, что они не решаются даже появляться на улице в одиночку, а ходят компактными группами».

Листовки, плакаты, так называемые «письма с передачей», направленные против гнусных захватчиков, распространяются в огромном количестве. По утрам стены домов, заборов, тротуары и щиты для объявлений испещрены надписями: «Долой германских насильников», «Смерть предателю Квислингу», «Норвегия для норвежцев» и тому подобными лозунгами. Даже орган норвежских фашистов «Фритт фольк» в статье о трудностях, испытываемых партией Квислинга, с горечью констатирует:

«Повсюду накаплиются со спекулятивной целью запасы продовольствия, распространяются слухи, совершаются акты саботажа, расклеиваются плакаты».

Не проходит буквально дня, чтобы норвежская печать не приводила фактов, свидетельствующих о героическом сопротивлении норвежского народа. Не так давно германские оккупационные власти официально объявили, что «безответственные элементы, несмотря на решительное предостережение, продолжают акты саботажа» и что это «может привести к чрезвычайно серьез-

ным последствиям для всего норвежского народа и для его будущего». Газета «Свенска прессен», сообщая о многочисленных случаях повреждений железнодорожных путей, телефонной и телеграфной связи, подчеркивает в одной из статей, что «по-видимому, в Норвегии хорошо организован в национальном масштабе саботаж». Несмотря на неоднократные предупреждения оккупантов о том, что каждый норвежец, застигнутый при совершении акта саботажа, будет расстреливаться на месте, количество актов саботажа продолжает расти. Для борьбы с этим, как выражается норвежская национал-социалистическая печать, «злом» гитлеровцы накладывают контрибуцию на все население районов, в которых произошли акты саботажа. Так, например, германский рейхскомиссар Тербовен наложил контрибуцию в размере 60.000 крон на город Тронгейм; на округ Упланд—100.000 крон.

Фашистские мракобесы с первых же дней установления в Норвегии оккупационного режима озаменовали свою «культурную» деятельность запрещением произведений крупнейших норвежских писателей, книги которых, по их мнению, не способствуют развитию «духа нового порядка». В числе запрещенных книг оказались, например, произведения лауреата нобелевской премии писательницы Сикрид Ундсет. Ряд виднейших деятелей культуры заключен в концентрационные лагеря.

В знак протеста против ареста 30 норвежских учителей по всей стране прокатилась волна ученических забастовок. Шведская печать сообщала о крупных демонстрациях учащихся в Осло и других городах, прошедших под лозунгом—«долей Квислинга». Учащиеся и педагоги отказываются пользоваться национал-социалистскими учебниками, проповедующими расовую теорию и прочие человеконенавистнические идеи фашистских головорезов. Организованная в Осло выставка «гитлеровской молодежи» скандально провалилась, несмотря на то, что директорам всех учебных заведений было предписано явиться на выставку вместе со всеми учащимися. Выставку посетило всего несколько десятков квислинговцев. Орган оккупантов «Дейче цейтунг ин Норвеген», явно разгневанный массовой оппозицией учащейся молодежи, пишет в передовой статье:

«Дурное поведение незрелых юношей, как система, не имеет ничего общего с юношеской глупостью. В конце концов может возникнуть необходимость подходить с иной меркой к такого рода невоспитанности».

И такую «мерку» фашистские насильники сумели быстро найти: сотни «незрелых» юношей брошены в концлагери, десятки школ закрыты.

Одной из ярких иллюстраций пассивного сопротивления германским захватчикам может служить массовый бойкот населением кино. Само собой разумеется, в норвежских кинотеатрах теперь демонстрируются только фильмы германского производства, без конца восхваляющие «успехи» «Третьей империи». По словам газеты «Дагенс нюхетер», бойкот германских фильмов принимает все более активный характер. Как правило, кинотеатры теперь посещаются только норвежскими штурмовиками и германскими солдатами. Когда же в кинотеатр приходят зрители-норвежцы, демонстрация германских фильмов неизменно сопровождается свистом и выкриками антифашистских лозунгов. В изданной министерством полиции специальной инструкции жандармам даны указания, как действовать в случаях антигерманских демонстраций в кинотеатрах.

«Если демонстрацию,—говорится в инструкции,—проводят отдельные лица, то их надо тотчас же арестовывать. В тех случаях, когда в демонстрации участвует большинство публики, надо их всех изъять из театра и продолжать демонстрировать фильм только перед немцами».

Гнев против захватчиков растет не только среди широких слоев рабочего класса и передовой прогрессивной интеллигенции, но и среди крестьянства. Попытка марионеточного правительства сплотить крестьян вокруг программы «Национального единения» потерпела, по сообщению газеты «Свенска дагбладет», полный крах.

Фашистские насильники и предатель Квислинг применяют против непокорных жесточайший террор. Тысячи лучших представителей норвежского народа брошены в фашистские застенки и концентрационные лагеря. Но никакие пытки, никакие репрессии не могут сломить и не сломят волю народа к свободе и независимости.

«Национальное единение»,—свидетельствует «Дагенс нюхетер»,—проиграло игру, и у него нет никаких шансов завоевать доверие масс. Все более обостряющееся положение на рынке труда, застой производства и оборота, усиливающаяся нехватка продовольствия—все это признаки того, что радикальные изменения не заставят себя долго ждать».

Э. Виклунд

«Известия», 29/VI 1941 г.

ГЕРМАНСКИЙ НАРОД ПОД ПЯТОЙ ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ

«Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»,—справедливо сказал товарищ Молотов. Наглая разбойничья война против свободолюбивого Советского Союза является не преступлением германского народа, а преступлением фашистских правителей против народа своей страны. Это еще одно новое страшное злодеяние, прибавившееся ко всему тому, что причинили фашистские палачи германским трудящимся. Гитлеры, геринги, геббельсы и другие являются не представителями германского народа, а его злейшими врагами. Это кровавые палачи, в буквальном смысле этого слова, поработившие народ в интересах эксплуататорской правящей клики, ввергнувшие страну во времена мрачного средневекового варварства.

С первых дней своего прихода к власти германский фашизм показал себя жесточайшим врагом всего народа. Предательские убийства безоружных рабочих, варварское разрушение собственности пролетарских организаций, подстрекательство к убийству, культивирование расовой ненависти среди отсталых слоев населения—таковы наиболее характерные проявления фашизма. Не только коммунисты, но и социал-демократы, христиане и беспартийные рабочие подвергаются преследованиям фашистских властей. После прихода Гитлера к власти были убиты сотни таких рабочих.

Летом 1932 года, до прихода Гитлера к власти, произошло убийство, вызвавшее глубокое возмущение трудящихся всего мира. Рабочий был в буквальном смысле слова затоптан до смерти сапогами фашистских бандитов на глазах у своей матери. Гитлер в то время открыто поздравил убийц и объявил их своими друзьями в специальной телеграмме. После прихода

и власти фашистская партия предоставила весь государственный аппарат в распоряжение гестапо. Таким образом, предательские убийства из-за угла стали проводиться при покровительстве фашистских властей.

По данным Международного Красного Креста, в Германии за первые два года гитлеровского господства, т. е. по 29 января 1935 года, было убито 3.942 антифашиста. 132.544 человека—мужчины, женщины и дети—были изувечены фашистскими бандами. 395.357 противников гитлеровского строя были брошены в концентрационные лагеря. Германские суды вынесли за это время приговоры общим сроком на 24.000 лет тюремного заключения и, кроме того, 93 смертных приговора.

О том, какими зверствами занимаются фашистские убийцы, свидетельствует рассказ старого тюремного служащего о казни шести коммунистов, при которой он присутствовал, находясь в тюрьме. «Я присутствовал при казни во дворе тюрьмы. Во время казни четвертого рабочего палач, который был смертельно пьян, как и его помощники, не сумел с первого раза обезглавить жертву. Топор застрял в черепе казнимого. Он попытался ударить второй раз, но и в этот раз неудачно. Лишь третьим ударом он отсек несчастному голову. Этот случай вызвал возмущение у всех присутствовавших тюремных служащих, в которых сохранились еще хоть какие-нибудь человеческие чувства. Во время пятой казни палач снова ударил неудачно и лишь следующим ударом обезглавил жертву. Казнь этих шести рабочих была самым страшным переживанием, которое мне пришлось испытать за все время моей тюремной службы».

Этот случай произвел настолько тяжелое впечатление, что о казни был выпущен официальный отчет, в котором утверждалось, что каждая из казней продолжалась всего 14—20 секунд и что лишь в одном случае палачу пришлось нанести вторичный удар.

Очевидец т. Беймлер рассказывает следующее об убийстве депутатов рейхстага Дресселя и Геца в концентрационном лагере Дахау.

«Фашистские изверги так долго пытали Дресселя, что замучили его до смерти. Они раздели его донага, бросили на пол камеры и пытали. Все тело его было покрыто черно-синими кровоподтеками и исполосовано ранами. Руки распухли и напоминали бесформенные мешки. Труп лежал лицом книзу, одна рука была вывернута, вены перерезаны. Кроме того из тела были вырезаны куски мяса. Рядом лежал нож, который должен был заставить поверить в то, что Дрессель совершил самоубийство. После того как убийство Дресселя было совершено,

фашистские штурмовики стали петь, играть и всячески радоваться по поводу убийства. Дрессель был похоронен 10 мая в маленькой деревеньке Брительбах, близ Дахау. Фашистские звери бросили обнаженный труп Дресселя в ящик и в таком виде выдали его родным».

Рабочий Сепп Гец оглох за несколько недель до смерти в результате побоев. Фашисты продолжали избивать его и застрелили его почти одновременно с Дресселем.

В официальном медицинском отчете о смерти одной из руководителей женской социал-демократической организации в Кепенике—Янковской сказано следующее: «В штаб-квартире местной организации фашистских штурмовиков стоял стол, покрытый черно-красно-золотым платком. Янковскую раздели, бросили на этот стол и нанесли 20 ударов ремнем. Затем палачи стали задавать ей вопросы о местонахождении различных деятелей коммунистической и социал-демократической партий. Когда она не захотела отвечать на вопросы, ее били снова. В 5 часов утра Янковскую отпустили; она рассказала своим товарищам по социал-демократической партии, что получила не меньше 120 ударов плетью. Следы этих ударов можно было обнаружить на всем теле. Кроме того были повреждены ее глаз и верхняя губа. Через два дня Янковская умерла; при вскрытии было обнаружено, что у нее в результате побоев отбиты почки».

Двадцатилетний рабочий С. с хлебного завода Витлер был арестован в Берлине. Об обращении с ним рассказывал своим товарищам один из штурмовиков. «С. били его собственным ремнем до тех пор, пока ремень не порвался. Его заставили затем вылизывать собственную кровь с пола. Предварительно язык ему почистили щеткой и мылом. Потом его заставили снять ботинки и лизать подметки. Штурмовики при этом приговаривали: «Ну, осел, ты находишься на земле Гитлера и должен чувствовать, что она священна».

Зверский садизм, с которым фашисты обращаются с евреями, известен всем. И тем не менее весь мир был потрясен страшным погромом, совершенным осенью 1938 года, после убийства германского посла в Париже. Сотни тысяч евреев были изгнаны из своих домов в Германии и оккупированных ею странах. Не было числа поджогам, пыткам и убийствам. В английской газете «Ньюс Кроникл» был напечатан отчет о том, как приняла 62 еврейских стариков в концентрационном лагере Саксен Хаузен. В этом отчете сказано: «Евреев заставили пройти сквозь строй штурмовиков со шпикрутенами. Удар следовал за ударом. Полицейские, которые были не в силах смотреть на это зрелище, повернулись спиной. Когда евреи упали на землю, их

11555-82

продолжали бить. Оргия продолжалась полчаса. Затем остальным заключенным предложили унести лежавших на земле. Двенадцать из 62 были мертвы, остальные—без сознания. У многих были выбиты глаза. Лица были изуродованы до неузнаваемости.

Варфоломеевская ночь 30 июня 1934 года показала, что фашистские заправилы применяют те же методы и в своих собственных рядах. В этот день Гитлер расправился со всеми теми, кто был недоволен невыполнением им своих демагогических обещаний. После убийства своих собственных сообщников Гитлер открыто похвалялся этим в рейхстаге. В числе убитых были люди, знавшие правду о поджоге рейхстага, об убийствах католиков, антифашистов и некоторых буржуазных политических деятелей.

Все это лишь немногочисленные примеры террора, применяемого фашистскими варварами не только по отношению к рабочим, но и по отношению к католикам, ученым и деятелям буржуазных партий. Можно легко себе представить, какие формы принял этот террор с начала империалистической войны и каково положение трудящихся в странах, томящихся под игом фашистской Германии. По неполным данным германских фашистских газет—«Гамбургер Фремденблат», «Фелькишер Беобахтер» и «Националь Цейтунг», за один лишь месяц, с 15 мая по 15 июня 1941 года в Германии был казнен 51 человек; 8 из них—за «государственную измену». В Германии с особой жестокостью наказываются те, кто высказывает военнопленным хоть малейший признак сочувствия. «Вестфелише Ландесцейтунг» в номере от 15 июня 1941 года сообщает, что расстрелян некий Шмит «за общение с военнопленными».

Таково подлинное лицо фашистских палачей германского народа.

В. Штерн

«Красный флот», 26/VI 1941 г.

ГЕРМАНСКИЕ ФАШИСТЫ В ЮГОСЛАВИИ

В апреле 1941 года фашистская Германия напала на неподготовленную к войне Югославию. Страна оказалась под сапогом немецкой военщины и испытывает сейчас все ужасы фашистской «новой организации Европы».

К дележке «добычи» были допущены «друзья» оси: Италия и Венгрия. Все получили по своему куску: Сербия осталась, как оккупированная зона, в распоряжении немецкого командования. Словения поделена между Германией и Италией, Далмация и Черногория стали итальянскими, северо-восточные провинции — Бачка и Банат отошли к Венгрии, которая распространила свои владения до Нового Сада на Дунае.

Хорватия, на основе усташского переворота, объявлена «свободным государством». Фактически в ней так же, как и в Сербии, господствует немецкий штык. Во главе Хорватского государства находится лидер националистической организации, вскормленной сначала итальянцами, а затем немцами, так называемой партии «усташей-павеличевцев», Анте Павелич. Государства оси уже поспешили признать «самостоятельную» Хорватию, а Берлин и Рим приняли у себя новых дипломатических представителей — посланников «свободного» Хорватского государства. Комедия разыгрывается, как в хорошем балагане!

Законом, определяющим права и обязанности гражданского населения Сербии, является воля немецкого командования. В специальном объявлении указано, что «все приказы немецкого командования имеют силу большую, чем соответствующие постановления законов страны».

Немецкие солдаты «изымают» десятки и сотни людей, «провинившихся» не только в дни установления нового режима, но до него: в очередном приказе германского командования говорится, что «преступления будут судить немецкие военные суды. Они могут судить за преступления, совершенные и до вступления германских войск в Югославию!» Идет расправа над всем антинемецким. Много придется «поработать» фашистскому воен-

ному «правосудию». Ведь вся Сербия представляет собою сплошное «преступление» против немцев уже хотя бы потому, что она существует и думает!

Проводя военную расправу над побежденным народом, немецкие фашистские власти применяют особый режим к еврейскому населению. Под страхом расстрела все евреи Белграда обязаны были явиться 19 апреля в полицейское управление города, где прошли регистрацию и получили желтые нарукавные повязки с надписью «Еврей» для обязательного постоянного ношения. Мужская часть еврейского населения была мобилизована для проведения работ по очистке города от разрушений. Всякий немецкий офицер может забрать любого проходящего по улице еврея или еврейку и заставить выполнять бесплатно любую работу, которую он пожелает.

Все эти варварские меры, предназначенные для того, чтобы направить внимание сербского народа по ложному пути и превратить евреев в виновников его страданий, не достигают цели. Даже лавочники, которые до войны ворчали на своих еврейских конкурентов, теперь прекрасно видят, кто виноват в грабеже их собственности.

Немецкие фашисты не только грабят страну, но и подвергают ее граждан неслыханным унижениям. 2 мая было опубликовано сообщение «сектора по охране морали в Белграде». В этом сообщении говорится, что на территории общины Белграда вводится обязательная проституция для женщин, занимающихся ею тайно. Таким образом «узаконяется» право фашистских завоевателей на тело женщин оккупированной Сербии, так как при установленном порядке ничего не стоит обвинить любую женщину сержку в тайной проституции и засадить ее в дом терпимости.

Первым шагом завоевателей на поприще экономики оказалось обычное, веками известное мародерство: солдаты и офицеры немецкой армии группами и «врассыпную» заходили в дома и магазины, забирая все, что «плохо лежит». Через несколько дней это приняло несколько более «упорядоченные» формы, когда рядовые и чины немецкой армии стали довольствоваться лишь бесплатным «уносом» из магазинов тех вещей, которые им лично требовались: белья, отрезов на костюмы, дамских чулок, шелка и т. д. Наконец, и эта стадия миновала: в силу вступил «закон», по которому немецкие солдаты за приобретенные товары платят деньгами.

Об этих «деньгах» должно быть сказано несколько слов. Год тому назад финансовые отношения между Югославией и Германией строились из соотношения 14 : 1 (14 динаров равны 1 немецкой марке). А сейчас, когда немцы пришли как завоеватели,

они установили, что одна немецкая марка равна 20 динарам. Офицеры и солдаты немецкой оккупационной армии ведут широкие закупки и платят «наличными». Недалеко от Белграда стоит специальный поезд, штампующий в изобилии оккупационные марки, щедро раздаваемые солдатам и офицерам немецкой армии. Воинским же частям предоставлено право получения товаров и пользования трудом в промышленных предприятиях «под расписку». Идет грабеж побежденной страны, организованный в государственном масштабе.

За пять дней «работы» немецкой бомбардировочной авиации Белград превращен в огромное скопище разрушенных зданий. Нет такой улицы в городе, которая не пострадала бы от бомбардировки. Снесены целые кварталы. При осмотре города вызывают удивление не разрушенные здания, а те, которые по какой-то случайности уцелели: их меньшинство, особенно в центральной части города. Почти все витрины магазинов выбиты в результате разрыва бомб. Многие улицы не проезжи из-за развалин. Запах разлагавшихся трупов насыщал воздух югославской столицы в течение многих дней.

Фашистское командование усиленно работало над приданием городу «надлежащего вида», чтобы оправдать хвастливые речи о «процветании». Но в это «процветание» никто из сербов не верит.

Сербский народ, переносящий величайшие унижения, не сломен: в священной ненависти к фашизму, к германским оккупантам он черпает силы, чтобы, когда настанет час, дать фашистским поработителям решительный бой.

В. Шукин

«Известия», 1/VII 1941 г.

ФАШИСТСКИЙ РАЗБОЙ В НОРВЕГИИ

9 апреля 1940 года в Норвегию вторглись войска фашистской Германии. Норвежский народ поднялся на борьбу с захватчиками. Началась кровопролитная война, в результате которой важнейшие порты и промышленные центры Норвегии были почти полностью разрушены. Малочисленные норвежские войска мужественно боролись. Но силы были слишком неравны.

Фашистские оккупанты принесли с собой в Норвегию гнет и бесправие, безработицу, нужду и унижения. Гитлеровский ставленник Тербовен—германский правительственный комиссар в Норвегии—распустил все политические партии, кроме фашистской партии, так называемого «национального сплочения», возглавляемой гитлеровским агентом Квислингом.

Шведский еженедельник «Векенс журналъ» писал:

«Декреты Тербовена ликвидировали все права норвежского народа. Свободолюбивым традициям норвежцев нанесен смертельный удар. Норвежский народ никогда не будет доверять Квислингу, а так называемое «национальное сплочение» является фактически органом германской диктатуры».

Вначале немцы старались уверить весь мир, будто они и не помышляют о нарушении суверенитета Норвегии. Но вслед за тем германский министр Франк сделал 26 ноября 1940 года откровенное заявление о том, что Норвегия и Голландия будут подчинены Германии и что управлять ими будет непосредственно Гитлер.

Фашистские хищники высасывают из норвежского народа все соки. По данным английской печати, первый год германской оккупации обошелся Норвегии в 68 миллионов фунтов стерлингов. Это составляет 25 фунтов стерлингов на каждого норвежца.

Страна разорена вконец. За счет ограбленного народа наживаются гитлеровские молодчики и спекулянты. Они вывезли из страны почти весь запас вяленой рыбы и часть ее продали по спекулятивным ценам в Испании и Италии. Там они скупили за бесценок апельсины и в свою очередь продали их по доро-

гим ценам в Дании и Норвегии, получив путем таких махинаций огромные прибыли.

Осенью прошлого года Германия вывезла из Норвегии 300 тысяч тонн картофеля—единственный и последний запас, который норвежцы берегли на зиму. Вместо этого немцы издевательски заставляют их потреблять совершенно несъедобные суррогаты, вроде маргарина из сельдей.

В Германии нехватает рабочей силы. Немецкие фашисты путем насилия и обмана вывозят рабочих в Германию из оккупированных стран. 25 ноября 1940 года в доках Осло произошли столкновения между германскими войсками и норвежскими рабочими, отправляемыми в принудительном порядке в Германию. Норвежские рабочие категорически отказались ехать. В ход было пущено оружие.

В Германию не желают ехать даже безработные норвежцы, несмотря на то, что их за это лишают пособия.

В стране царят голод и нищета. «Мы нищенствуем,—говорится в письме жен моряков, опубликованном в газете «Сандефиордс-блад».—У нас нет средств для существования, у нас нет хлеба».

В Норвегии резко повысились цены на продовольствие и топливо. Нормы хлеба уменьшены с 300 до 200 граммов на человека в день. Ожидается дальнейшее уменьшение пайка.

Германские оккупационные власти установили в Норвегии режим беспощадного террора. Тюрьмы переполнены. Производятся массовые аресты. Арестованы ректор народного университета в Суэрмарке Гальвард Ланге, смещены со своих постов ректоры Гейесен и Эриксен, снято с работы много школьных учителей. Запрещены произведения лауреата Нобелевской премии писательницы Зигрид Унсет. Арестованы норвежские артисты Юстер, Кристенсон, Лекеберг, Сегельке, отказавшиеся выступать на вечерах, организуемых фашистами. Шведские газеты сообщают об аресте в Осло больше 60 видных норвежских деятелей. Поводом к этой расправе послужил протест 44 норвежских общественных организаций против террористических действий норвежской фашистской партии и германских властей.

В норвежском народе растет ненависть к фашистским поработителям. Шведская газета «Ню даг» писала:

«В некоторых областях Норвегии происходят подлинная партизанская война и народное восстание против установленного в стране режима террора. Массовые аресты и репрессии в отношении представителей народа наталкиваются на упорное сопротивление. В городе Сарпсборге произошли серьезные столкновения, когда полиция напала на лиц, носивших антифашистские значки. Несколько человек было ранено».

Стокгольмская газета «Социал-демократен» сообщает, что демонстрации против немцев в Норвегии принимают все более бурный характер. В городе Мус во время выступления фашистов взорвался громкоговоритель, куда был положен динамит. Население выбило стекла в помещении, где фашисты устроили собрание. Полиция арестовала 16 человек.

Среди норвежского населения распространяются в тысячах экземпляров нелегальные газеты и антифашистские листовки. Они расклеиваются на стенах домов, призывая норвежский народ бороться против германских захватчиков.

Недавно в Норвегии начала работать подпольная радиостанция. Два раза в день она передает материалы, разоблачающие кровавые дела германских оккупантов и их презренных лакеев-квислинговцев.

Все свободолюбивые норвежцы знают наизусть «Десять заповедей», в которых, между прочим, говорится:

«Ты должен ненавидеть Гитлера и никогда не забывать, что он без объявления войны дал приказ бандам убийц напасть на наш миролюбивый народ».

«Ты должен всегда помнить, что немецкие фашисты приказали своим летчикам уничтожить норвежские деревни и города, чтобы удовлетворить свою жажду крови».

«Ты должен помнить, что только поражение немцев может вернуть нам свободу».

Норвежский народ не хочет больше молчать и терпеть невыносимое иго гитлеровских палачей.

С. Александров

«Правда», 30/VI 1941 г.

ПРАВО И ГЕРОИЗМ — ПРОТИВ КРОВИ И ГРЯЗИ

Борьба народов оккупированных стран против фашистских разбойников

Железный сапог германского фашизма наступил на горло десятка стран. Народы Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Югославии, Греции, чехи и поляки—многие миллионы людей несут на своей шее тяжелое ярмо фашистских насильников. Оккупационные немецкие войска хозяйничают в Румынии, Финляндии, Венгрии, Болгарии, как в покоренных странах.

Германский фашизм терзает завоеванные страны и покоренные народы. Он давит эти страны, обрекая их население на нищету, голод и разорение. Более миллиона поляков, сотни тысяч французов и сербов, голландцы, норвежцы, датчане принудительно, как рабочий скот, вывозятся в Германию на каторжные работы для нужд германского фашизма. Представители так называемой «высшей расы»—германские фашисты низвели побежденные ими народы на положение рабов, людей «второй категории».

Массовым террором пытаются германские оккупанты задавить сопротивление многомиллионного населения завоеванных ими стран. Председатель германского военного суда в Гааге, расстрелявшего несколько недель назад восемнадцать молодых голландцев за борьбу против оккупантов, заявил представителям печати: «Лица, даже мысленно восстающие против германской армии, подлежат смертной казни».

Германские пулеметы выставлены в деревнях и на улицах городов. Населению запрещено вечерами выходить на улицу. На горизонте дымится пепелища деревень, сожженных вместе с населением за непокорность. На столбах висят трупы повешенных за «саботаж». Тысячи людей расстреляны, сотни тысяч заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Их подвергают изуверским пыткам. Но разве можно задавить и поработить надолго десятки народов, веками боровшихся за свою независимость, свободу и жизнь?

В горах Югославии десятки тысяч солдат и офицеров югославской армии продолжают партизанскую борьбу против немецких войск. Небольшие отряды в сто—пятьсот человек, во-

оруженные ручными гранатами, пулеметами, даже небольшими пушками, совершают внезапные нападения на германские войска, организуют засады, ловушки. В мае эти отряды нанесли тяжелый урон нескольким полкам немецких оккупантов в горах Боснии, Черногории и вблизи Крагуеваца. Многочисленные отряды комитаджей (партизан) действуют против итальянских оккупантов в горах Далмации. Радиостанция Анкары передавала сообщение, что партизанские отряды действуют и в Хорватии.

Мужественно продолжает борьбу народ *Греции*. Несмотря на то, что за каждого убитого немецкого солдата расстреливаются десятки людей, в греческих городах и деревнях почти ежедневно таинственно исчезают немецкие офицеры и солдаты.

31 мая германское командование в Афинах вынуждено было признать: «1) германские военные флаги были сняты с общественных зданий и разорваны на куски; 2) население прячет продовольствие, чтобы оно не попало германским солдатам; 3) греческое население выражает сочувствие английским военнопленным; 4) греческая печать отказывается подчиниться новому порядку». Германские власти объявили, что за повторение подобных действий будет беспощадно применяться смертная казнь.

Однако это не устрасило греческое население. После того как сорванный с древнего Акрополя германский военный флаг был снова поднят над историческим зданием, неизвестные снова сорвали дьявольское знамя свастики и разорвали его на куски. В ряде городов недавно произошли новые антигерманские демонстрации.

С лютой ненавистью и презрением относится к фашистским завоевателям народ *Голландии*.

В годовщину германского вторжения в Голландию по всей стране в тысячах экземпляров были распространены нелегальные воззвания. Вся страна демонстративно отметила этот день, как день траура. На многих домах были вывешены голландские и английские флаги.

Девятого февраля в Амстердаме население напало на проходивший по улицам отряд голландских фашистов. В последующие дни на улицах Амстердама развернулись вооруженные столкновения с оккупационными войсками, при чем было много убитых и раненых.

25 и 26 февраля в Амстердаме и Роттердаме в знак протеста против германских оккупантов прекратили работу десятки тысяч людей. Волнения охватили и города Заандам, Гильверзум. В Амстердаме произошли настоящие сражения с германскими войсками. 27 февраля германское информационное бюро передало, что «со стороны бунтовщиков убито шесть человек и имеется некоторое количество тяжело и легко раненых».

По английским сведениям, при столкновении с германскими войсками было убито восемь голландских рабочих и сорок человек ранено. После этого волнения охватили всю Голландию. Германские власти начали жестокую расправу над населением. Гитлеровский наместник в Голландии Зейсс Инкварт в речи, произнесенной в Амстердаме 12 марта, как сообщила эссенская «Националь цейтунг», заявил:

«Теперь решение уже принято: Германия и Голландия противостоят друг другу не как друзья, но как победитель и побежденный».

Этот фашистский палач пригрозил, что сопротивление голландского народа, «террористический дух по отношению к национал-социализму будет сломлен».

Но эта угроза не действует. Насколько велика ненависть населения к немцам, можно судить по тому, что, как передал римский корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Ватикана, церковные власти в Голландии запретили священникам участвовать в похоронах немцев, убитых во время столкновения с голландцами.

В Амстердаме по ночам германские фашисты стали попадать... в воду. Эти случаи настолько участились, что фашистские власти вынуждены были снабдить все германские патрули веревками для спасения утопающих и развесить повсюду спасательные пояса. Недавно у бельгийской границы было организовано крушение немецкого воинского поезда, а близ Лейдена взорван склад немецких боеприпасов.

Широкие массы голландского народа применяют против фашистских завоевателей самые разнообразные способы борьбы. Владельцы книжных магазинов, которых немцы обязали выставить портреты Гитлера, окружили эти портреты книгами, озаглавленными: «Как научиться плавать», намекая на тщетные усилия Гитлера организовать вторжение в Англию через Ла-Манш. Недавно в Амстердаме в трамвайный вагон вскочил насквозь промокший под дождем германский офицер. Кондуктор с невинным видом, но так, чтобы слышал весь вагон, спросил его: «Вы уже возвратились?». И каждый понял, что кондуктор намекает на гитлеровское «вторжение в Англию».

Миллионы людей в оккупированных странах борются против фашистских завоевателей. Священная отечественная война советского народа, могучая сила его Красной Армии вдохнет новые силы, новую энергию в борющиеся против фашистского ига, закабаленные Гитлером народы Европы.

А. Питерский

ЧЕШСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ПОД ГНЕТОМ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

(Письмо из Праги)

Фашистские палачи захватили мою родину и лезут из кожи вон в своем стремлении поставить на колени наш свободолюбивый народ. Грязные мракобесы, они просчитались! Ни дикий террор и произвол, ни убийства из-за угла не сломили нашего духа. Мы не сложили оружия. Пламя ненависти горит в сердце каждого из нас. Чешский народ с крепко стиснутыми зубами переносит свои мучения и ждет, когда пробьет час гибели фашистских поработителей. Мы готовимся к этому часу и уверены, что он скоро настанет.

Ряды самоотверженных борцов за свободу множатся. Все выше поднимается волна возмущения моего народа, ведущего непримиримую борьбу с фашистскими захватчиками. Молодежь моей родины—в первых рядах борющихся, хотя фашистские псы, гестаповцы, изощряются в самых диких жестокостях, чтобы расправиться с молодыми чешскими антифашистами.

В глухих подвалах бывшего банка Печека в Праге, где ныне находится главный штаб гестапо, фашистские палачи ежедневно допрашивают молодых людей, часто даже детей, обвиняемых в распространении антигерманских листовок и стихотворений. Детей подвергают гнусным пыткам, над ними бесчеловечно издеваются. Если ученик средней школы не является домой, родители не знают, куда он девался и когда он вернется. Однажды ученик 5-го класса одной из пражских гимназий был из школы уведен в гестапо и вернулся оттуда со сломанной рукой. Другой раз фашисты продержали двух 14—15-летних девушек-учениц 48 часов в подземелье гестапо. Такие примеры не единичны.

В чешских театрах и кино фашистские власти вывесили объявления, в которых зрителям категорически воспрещается под угрозой очистки зала... кашлять, ибо раньше, когда на экране появлялись волчьи морды фашистских «тузов», весь зрительный

зал раздражался громким кашлем. Во многих формах народ выражал свое недовольство.

Впрочем, несмотря на все запрещения, в кинотеатрах бывают и открытые демонстрации протеста—посетители выкриками комментируют демонстрируемые кадры. Кончается это, разумеется, репрессиями властей против зрителей и закрытием кино на несколько недель.

Еще летом прошлого года фашистские правители запретили чешское скаутское движение. Гестапо и охранные отряды ночью совершили нападение на загородные лагеря скаутов, в которых находилось несколько десятков тысяч детей. Все имущество лагерей и личное имущество молодежи было разграблено. Охранные отряды стащили с юношей и девушек скаутскую форму и выгнали их в нижнем белье из лагеря. Позднее фашистские громилы пытались всеми силами оправдаться, заявляя, что в лагере, дескать, распевались «изменнические песни».

Молодежь чешских деревень ненавидит фашистов не меньше, чем молодые рабочие и интеллигенция города. В одной деревне в Влашине деревенские девушки и парни устроили как-то танцевальный вечер. Веселье продолжалось недолго: на вечер явились гитлеровские молодчики и стали орать во всю глотку фашистские песни. Началась драка. Фашистов изрядно побили и с позором выгнали из помещения. Ночью на деревушку нагрянули агенты гестапо и увели 60 деревенских юношей в тюрьму. Там среди них безуспешно старались найти молодого крестьянина, который ранил германского унтер-офицера. Всех арестованных, кроме пяти человек, постепенно освободили. Но этих пять так мучили, что от них скоро остались, по свидетельству моего товарища, только живые трупы. Крестьян топтали, ломали им руки, часами били, чтобы они признали себя виновными. Потом эти юноши не были в состоянии ни сидеть, ни стоять, ни ходить.

Так германские фашистские оккупанты пытаются расправиться со все растущим возмущением чешской молодежи. Но это им никогда не удастся. Мы говорим себе: час расплаты близок!

Любомир

Прага (Чехословакия). Май 1941 г.

«Комсомольская Правда», 28 июня 1941 г.

ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ — ТЮРЬМА НАРОДОВ

Недавно в Москву из Германии возвратилась группа советских инженеров, пробывших там несколько месяцев. Руководитель группы инженер Н. А. Ярхо поделился с сотрудником ТАСС своими впечатлениями о порядках в «третьей империи».

— Советским гражданам трудно себе представить то народное бесправие и фашистский произвол, которые царят в современной Германии,—рассказывает тов. Ярхо.—Неоднократно приходилось быть очевидцами беспримерного поругания человеческой личности. В прошлом году мы посетили рудники Зальцгиттеровского месторождения. У карьера увидели человеческую массу, одетую в серое. Изнуренные до последней степени люди носили камни. На одежде их нашиты красные и желтые полосы, различные номера. Всюду на поворотах стояли погонщики со свастикой на рукавах. Они то и дело покрикивали на рабочих, требовали ходить быстрее. Картины русских художников из жизни крепостных крестьян блекнут перед тем, что мы увидели наяву.

— Кто это?—спросили мы у сопровождавших нас немецких инженеров.

— Политические преступники,—ответили те.

Позднее мы убедились, что «преступники» есть в каждом городе и почти на каждом предприятии. Живут они в грязных, обнесенных колючей проволокой бараках. Достаточно взглянуть на этих людей, чтобы догадаться, как их кормят.

В Брауншвейге строится большой металлургический завод.

Из 36 тысяч рабочих там только 3 тысячи немцев. В число остальных 33 тысяч входят 18 различных национальностей. Условия труда жуткие. Рабочий день установлен 12-часовой, но предприниматели могут его произвольно удлинять, не платя сверхурочных.

В шахтах работает много итальянской молодежи. Ее положение ничуть не отличается от положения военнопленных. Мы вначале были поражены тем пренебрежением, с которым относятся к итальянским рабочим инженеры Круппа. Доктора Фаске и

Иогансен, по всей вероятности убежденные фашисты, при нас не стеснялись говорить, что итальянцы—это неполноценные, мало на что способные люди.

Особенно бесправно положение поляков, чехов и евреев, проживающих в «третьей империи». По дороге в город Амберг (Верхняя Бавария) нам нужно было перейти пешком на другую железнодорожную линию. В пути к нам осторожно подошел мужчина лет 45, как выяснилось потом, шахтер-рудокоп.

— Вы русские?—спросил он. Убедившись, кто мы, он сказал:

— Я поляк,—и показал на знак «Р», пришитый к его костюму (все поляки в «третьей империи» носят такое клеймо).

Сейчас же наш спутник, не ожидая вопросов, начал рассказывать о себе. После того, как Гитлер занял Польшу, этот шахтер, как и многие другие поляки, оставил где-то близ Варшавы жену и троих детей и был послан на рудники в город Пегнитц.

— Есть работа—платят гроши, нет работы—ничего не платят, но домой не отпускают,—рассказывает шахтер.—Семья дома может купить хлеб только на те боны, которые я пришло отсюда. На другие деньги ей ничего не продают.

Прощаясь, шахтер с дрожью в голосе говорит:

— Слушайте, я учился в русской школе, я люблю русских. Скажите, когда все это кончится? Мы сделали рабами, забалили, нам ничего нельзя говорить...

Немало отрывочных бесед пришлось вести с молодыми чехами, которых встречали в Берлине и других городах. Гитлеровцы, боясь восстаний, вывезли из Чехословакии молодежь, особенно парней. Независимо от образования и профессии, фашисты сделали их в Берлине полотерами, судомойками, кельнерами... Один молодой чех, токарь по специальности, убирает посуду в закусочной-автомате на Таунценштрассе. Узнав, что мы из Советского Союза, он, улучив минуту, спросил:

— Когда вы нам поможете освободиться из плена?

Фашисты окрестили чехов презрительной кличкой «швейк».

Унижение евреев доведено до предела. В парки и скверы их не пускают. Есть специальные желтые скамейки близ скверов с пометкой «J» (иудей), на которые разрешается садиться евреям. Во всех магазинах вывески: «Евреям разрешается заходить в магазин после 5 часов вечера», когда на полках совершенно пусто.

Евреи-врачи имеют право лечить только евреев. Худо будет немцу, который дерзнет лечить свое малокровие у медика-еврея! Еврей не имеет права появляться где-либо в общественных местах, куда ходят немцы. Даже в немецкую уборную он не

вправе зайти. В бомбоубежища евреев не пускают вообще. Фашисты издевательски требуют, чтобы евреи-врачи, кроме фамилии, писали на своих вывесках «Израиль», а если врач женщина, то—«Сарра».

Побывав в Германии, воочию убеждаешься, что «третья империя»—это тюрьма народов, страна концентрационных лагерей, голода и бесправия. Душно в ней человеку!

Но, как ни свиреп фашистский террор, трудящиеся Германии не могут удержаться, чтобы не высказать своих душевных симпатий к Советскому Союзу. Где бы мы ни появлялись, нас окружали рабочие, интеллигенция, засыпали вопросами, выражали свою солидарность с Советским Союзом. (ТАСС.)

СОДЕРЖАНИЕ

И. Эренбург — Что несут фашисты	3
Андре Фольен — Порабощенная Бельгия	6
Э. Виклунд — Норвежский народ в борьбе с оккупантами. <i>(Письмо из Гетеборга)</i>	10
В. Штерн — Германский народ под пятой фашистских палачей	14
В. Шукин — Германские фашисты в Югославии	18
С. Александров — Фашистский разбой в Норвегии	21
А. Питерский — Право и героизм — против крови и грязи. <i>(Борьба народов оккупированных стран против фашистских разбойников)</i>	24
Любомир — Чешская молодежь под гнетом фашистских оккупантов <i>(Письмо из Праги)</i>	27
Фашистская Германия — тюрьма народов	29

Подписано в печать с матриц 10 июля 1941 г. 2 п. л. Заказ № 2207. А40280.
Цена 20 коп.

Набрано и сматрицировано в 3-й типографии «Красный пролетарий» ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц типографией газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Don't know
the name